

Никита Брагин

ТРИ СМЕРТИ

Меня убили в первый раз на утренней заре,
когда Нерукотворный Спас лежал в седой золе
у догорающих венцов родимого села,
где крест кровав был и свинцов, но скорой смерть была.

И только малое зерно в цепи кромешных лет,
ослеплено, обожжено, таило тихий свет.
Росинки слёз, удары гроз ему считали срок,
пока из глины не пророс единственный росток.

Прошло уже две сотни лет и в буре, и в цвету —
в себя вобрал я дождь и свет, и неба высоту,
но вот опять людская брань и смрад вокруг меня,
и жизнь моя летит на грань металла и огня...

Страшна была вторая казнь в гудении печей,
дорожным шлаком стала грязь, а пепел стал ничей,
и улетал он далеко на росные луга,
и вечер кутал молоком березы и стога.

И в мир пришёл я в третий раз цепочкой светлых слов,
влюблённым взором ясных глаз, узнавших мир Христов,
и чутким слухом, что умел в рассветных трелях птиц
узнать свой вековой удел, свой крест среди темниц.

Но в родниковом холодке голодного глотка
пишу прощанье на листке, и кровь — моя строка.

Теперь меня свели с ума, в углах — зеркальный ад,
и пеплом костяным зима покрыла Петроград.

Вернусь ли я, и кем вернусь? Травой, песком, рекой?
И будет ли родная Русь хоть в памяти людской?
Узрю ли я лицо огня, пройдя сквозь дым седой,
и чем тогда казнят меня — свинцом, петлёй, водой?

Коль Русь жива — и я живу под сердцем у неё,
и греет солнышко траву, и дождь кропит жнивье.
Пока я жив — и Русь жива во мне и надо мной,
и сочетаются слова, и вьётся путь земной.

Полина Орынянская

Я не жалею пролетевших лет —
пускай летят, пока они крылаты.
Но этот год уйдёт, не отболев.
Тяжёлый год, кровавый и треклятый.

Руины, смерть и горечь тёмных рек.
Подсолнухи, неубранные с лета.
Солдаты, дым и снег, идущий следом,
и трупы, запелёнутые в снег.
Но я обычный русский человек,
и значит, мне нужна одна победа.

Кляни меня, кричащий «нет войне!».
Я дикий орк, ты белая ромашка.

Вся эта грязь и кровь болит во мне.
Мне страшно
до каменного холода в груди
не победить,
не выстоять, сломаться,
оставив мир безумцам и паяцам.

Но прорастает в донной глубине
негромкий свет, посеянный метелью.
И бледный конь, и всадник на коне
всё ближе и отчётливей в прицеле.

Евгений Каминский

Очнулся в измерении ином...
Ну и живи себе как подорожник!
Столовая, спасибо за творожник.
Спасибо за бутылку, гастроном!

И, астроном, спасибо за звезду.
Но зря ты врал, что мы пришли оттуда.
Там жизни нет. Вся – здесь! Я не уйду,
пока не съем всю соль – свои два пуда.

Покуда океан свой не допью.
Тебе везде житье: в Литве ли, в Польше...
А мне отчизну скорбную мою
и оставлять-то не на кого больше.

Сюда я не просился на постой –
я здесь стоял. Послушай, марсианин:
тому ль бежать, кто жалостью простой
к отеческим гробам навывлет ранен?!

Кто не в кубышку складывал гроши,
а, не страшась, транжирил небо это?!
Смысл только здесь! Спасибо, мураши,
за жизнь во тьме с предчувствием рассвета.

Мария Махова

Человек человеку

– Человек человеку бред, темнота и ад, –
он сказал. – Оглянись вокруг, если мне не веришь.
– Нет, – кричу, – человек человеку – сад!
Человек человеку кит, океан и берег!

Человек человеку лето и тёплый дождь,
посмотри, как сверкает солнце в глазах и в сердце!
– То блестят ножи – человек человеку нож
и удар под ребро от рождения и до смерти.

Человек человеку рана, дыра и вой,
это волк в настоящем и будущем воплощенье.
Волк не может без стаи: покинувший стаю волк –
это бомж, это тень, он никто никому – кочевник.

Мы всего лишь осколки времени, пыль, стекло.
Мы разбитые зеркала и маршрут короткий.

– Нет, – кричу, – мы друг другу движенье, полёт, крыло!
И плечо, и надёжный плот, и весло, и лодка!

Даже если вот так – на грани и через боль,
даже если ушёл на дно, где темно и немо –
всё равно навсегда человек человеку – Бог.
Через смерть, через ад – человек человеку – небо.

Нина Веселова

Я люблю чёрных линий тревожный излом
По-над зубчатым лесом за старым колодцем,
Когда солнце давно погрузилось на дно
И лучи его больше не могут колотиться.

Я люблю тёплый пар над политой грядой
И комарье круженье над местом промокшим,
И свинцовые тучи, тяжёлой грядой
Проползавшие утром над полем продрогшим.

И акаций стручков взрывы в нашем саду
Я люблю, словно в детстве салют наблюдая.
Всех наивных и добрых с собой уведу
В те края, где колышутся отсветы рая.

От мелькнувшего зверя в чащобе лесной
Убегать не посмею, боясь изобидить.
Для кого-то, во-первых строках, он съестной,
Но, чтоб есть, его надо сперва ненавидеть.

Я же просто люблю всю округу взхлёб,
Даже ветры когда низвергают деревья,
И по лужам глубоким, как девочка, – шлёп! –
И теперь по дождю я хожу за деревню.

Там такая с холма открывается даль,
Что душа размыкает засохшие створки.
И в ногах тихий ветер качает вуаль
Занавески из пуха на мышьиной норке.

А за кромкой лесов, в несусветной дали,
Где другие края и другие законы,
Проплывают в холодных морях корабли
И моржей раздаются протяжные стоны.

Паровозов гудки, тишину раскроив,
Возвещают о том, что кончается лето,
Что раздолье плакучих заброшенных ив
Облысеет привычно, никем не отпето,

Что огни будут тлеть на рябине лесной,
Если стая клестов их опять не потушит,
Будут помнить тревожно истаявший зной
Острова уцелевшей от дождиков суши.

Вот тогда убреду я туда, где излом
Старых крыш дополняет гармонию линий,
И пойму, что напрасно сражалась со злом
Вместо тихих часов возле дремлющих лилий,

Что опять распускались на старом пруду,
Невзирая на хлам по всему побережью,
Что и в этом засушливом трудном году
Нас проводывал клин журавлей обережных.

Значит, выпадет жить, забывая про тень,
Что всегда ниспадает при солнечном свете,
Значит, будет ещё не один ясный день
На уставшей от горечи нашей планете.

Значит, так, ибо воля во всём не моя,
И не ваша, как этого б вам ни хотелось.
Поясочки потуже, родные края,
Чтобы песня протяжная дольше пропелась!

Марина Кулакова

ЗАМИНИРОВАНА ТИШИНА

Заминирована тишина.
И ковры выстилает ночью
лепестками
 гибрид-война.
Кровочит её многоточье...

Подрывается тишина
то и дело, таясь подспудно...

Так вставай же, моя страна, –
многояростно
 и многотрудно!

Отторгай же – своих торгашей,
вспоминай же – родные пашни!
Провожай лицемеров взашей, –
в день вчерашний...

Поднимайся, ты – вновь огромна.

Помоги же, –
 Небесных сил
 расчищая аэродромы, –

всем, кто век за тебя просил,
восемь вёсен к тебе взывал,
девять вёсен отвоевал,

кто служил тебе,
и носил
тебя в сердце, и был здесь – дома, –

и в грозе твоей, и в беде,
и в любви, и в нужде, и в славе!

Обними – всех своих детей.
Ты должна. Ты сильна. Ты вправе.

Анна Арканина

Давай представим – кончилась война,
открыл окно, и небо просветлело.
Воткнулась в небо острая сосна,
и птица невесомая взлетела.

И ты вдыхаешь всё, что видишь там –
в картине мира горькой и высокой.
И внутренний похмельный левитан
живописует реку и осоку.

И тишину такую – во всю ширь,
что мужики до смерти б не скосили.
Давай представим самый лучший мир
для стрекозы вот этой и осины.